

16+

АЛЕКСИКОН

ЗАДУМАЛ ЧУДО

Алексикон

Задумал Чудо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66365244

SelfPub; 2021

Аннотация

Стихи – это особое состояние души. Сколько человеческих переживаний, столько и рифмованных строк на белом листе бумаги или экране планшета.

В этой книге автор пишет не только о собственных переживаниях – раскрываются жизни людей и животных, одушевляются природные явления и даже игрушки. Затрагиваются разные исторические эпохи и профессии. Порой автор откровенно фантазирует и уносится в недоступные выси, рассуждает с неприкрытой иронией о вечном, но возвращаясь, становится серьезным и принципиальным, желая обозначить проблемы современного общества. Он искренне переживает о происходящих вокруг нас событиях.

Попробуйте и Вы, прочитав произведения этого сборника, проникнуться их смыслом и понять тонкую поэтическую душу.

Содержание

Часть 1. Мысли	7
Задумал Чудо	7
Молитва	9
Что прилетает извне?	10
Под Богом, конечно, все мы	12
В огне был мир	14
Зачем опять страдать?	16
Как радостно пожить	18
Быть узнанным в толпе реальности	19
Море такое странное	20
Если в бор глухой леший заведет	22
Проснется Разум	23
Не знаю, в каких телах	24
Когда тяжелый якорь поцелует грунт	25
Зачем заставляя себя спать	26
Не страшись ночного крика	27
Двойник	28
Я сумею выжать последнее	30
Часть 2. Чувства	31
Озябшая любовь	31
Я пропал, эта женщина – чудо	33
Улыбка демона	34
Луну твою пятнали кляксы	36

Не выдавай мне всех секретов	38
Порадуй	39
Заходи, я накрою на стол	41
Признания хрупкой любви	43
Жених и невеста	44
Что-то болезненное	46
Застав его у зеркала, с помадой на губах	48
Не запирайся на замок	50
Нате	52
Чем удивишь меня?	53
Запрети мне в себя уходить	55
Часть 3. Персоны	56
Странник	56
Странник-2	58
Скрипач-бедняк	59
Архитектор лучший самый	60
Гроссмейстер женских наслаждений	62
Госпитальер	64
Иссумбоси	66
Робот и Красотка	67
Кукла	68
Дворняга	71
Часть 4. Далекое земли	72
Карфаген	72
Замок «Тысячи смертей»	73
Мараг точил свой ятаган	75

К закату рухнули все тверди	76
Страна растаявшего льда	77
Часть 5. Люди и звезды	79
Мама-Экспансия	79
Нуль-транспортировка	81
Космический бродяга	83
Лифт орбитальный	85
Часть 6. За гранями реальности	86
Астрал	86
Разбившись гипсовой скульптурой	88
Волки	89
Тени	90
У дворника метла пропала	91
Резво черти катались на шторе	93
За спиной обожженные крылья	94
Часть 7. Ирония	95
Я ползу на Гору Счастья	95
Есть фактура, объем, все в порядке	97
На цветке рыдала фея	98
Кассета	100
Мул и Хомяк	102
Зимушка, не умори	104
«Бандольеро»	105
На пальму мы карабкались	107
Ее платья	110
Паранойя	111

Старт, и выстрел уже у виска	112
Стихи нельзя оставить без присмотра	113
Кляксы в тетради сонной	114
Я, возможно, не умру	115
Сколько нас?	117
Не могу не творить	119
Часть 8. О разном	121
Неузнанным читать посмею	121
Тени покинут казармы фигур	122
Там, где чукча-хозяин и лапы в кровь сбиты	123
По реактивным сердцам полыхнуло зарей	124
Трудно держаться в седле, когда плохо коню	125
Если позже глаза закроются	126
Приталено мгновенье	127
Струи дождя превращаются в тонкие пальцы	128
В дали прибрежной танец Океана	129
За Тайной дланью Путь открыт	130
Перекипевший «отвар»	132
Латинские танцы Зимы и Весны	133
Запевай	134
Если поверить страху	135
Постройте мне дом без гвоздей	136
Всего лишь человек	137

Алексикон

Задумал Чудо

Часть 1. Мысли

Задумал Чудо

Сегодня задумал Чудо —
Собственный маленький рай.
Буду смотреть оттуда
На милый и суетный край.

Дергают там за нитки,
Ножницы поострей
Из кармана достану —
Чик – полетел воробей!

Свобода – это матрешка:
Уровням нет числа,
И даже в саже кошка
Везде прошмыгнуть не смогла.

Раз выскользнув из объятий,
Глаза приоткроешь на треть —

Белое небо в палате —
Родиться, чтоб умереть.

И новую жизнь положат
На пеленальный столик,
Станут, насколько возможно,
Ее избавлять от колик.

Ну а потом, по кругу,
Из строя потянут в строй,
Где-то пожмут крепко руку,
Где-то – вниз головой...

Сегодня задумал чудо:
Маленький собственный рай.
Удобно смотреть оттуда,
На милый и суетный край.

Молитва

Дай, Господи, в бессилье сил!
Добраться до небесного колодца,
Воды живой испить, не напоротся
На «пальцы» растопыренные вил.

Дай, Боже, пониманья чуть!
Предела, куда Искрой после смерти,
Событий сумасшедшей круговерти,
Как выбрать не тернистый путь?

Дай мне, Создатель, не сорваться,
Пропав в пучинах безнадежных,
Не убояться выбрать сложно,
Внимая мудрым, не кривляться.

Да что я все прошу, все «дай»?
Не понимая истинных печалей,
Заблудших душ не привечая,
Обещанный не заслуживши рай.

Быть может, наглые мы чада?
Все рвем: и глотки, и на рыбе чешую,
Кромсая жизнь, чужую и свою,
Не видим подступающего ада.

Что прилетает извне?

Что прилетает извне?
Рвущая тело пуля,
Вспыхнувшая в окне
Звезда середины июля.
Парочка утренних птах,
Чирикающих ерунду,
Еще не просохший страх
Утопленников в пруду?

Беспольный совет,
Важно надутый ртом,
Полишинеля секрет
На дне бочонка лото,
Ветер, щекочущий пух
Кожи, не знавшей бритвы,
Звук, которым петух
Люд поднимал на битвы.

Легкость на пару часов
Искры идей творящих,
Эхо планет голосов,
Обруч орбит крутящих,
Шепот чарующих губ,
Нежное их дыханье,
Музы, которой люб,

Отданной на растерзанье.

Под Богом, конечно, все мы

Под Богом, конечно, все мы:
Те, кто в него не верит,
Те, кто его называет
Кем-то совсем другим,
Не развивая темы,
Кто и чем веру мерит,
Скажу: иногда возвращают
В мир неживого – живым.

Куда там его поставят?
К какому случайному дому?
К тем, кто не ждал привета?
К тем, кто захлопнул дверь?
Сложно себе представить,
И непонятно любому:
Какая везла карета?
Какой запряженный зверь?

Что теперь, словом сделать,
Если в клубке все мысли,
Если хаос исправить,
Словно поднять Луну,
Лоб изрисуют мелом,
Истопчут сбежавшие крысы,
Ворча: «Зачем к дому ставить,

Оболочку одну?»»

Чем же она поможет?

Заставит кого-то бояться?

Укроет от шквального ветра,

Поддержит в неравной борьбе?

Когда страх уже не тревожит,

Почти невозможно сломаться,

Меря казенные метры,

Качаясь на тонкой трубе.

В огне был мир

В огне был мир.
Никто огня не зрел.
Все говорили: «Жарко...
Не более того»,
А что костюм до дыр
Прожжен, почти истлел...
Избавиться скорее
И не жалеть его.

В огне был мир,
Огонь шутя касался
Всех самых стыдных мест,
Не чувствуя границ,
Никто не возражал,
С огнем все целовался
И, сняв нательный крест,
Лишался кожи лиц...

В огне был мир,
Прозревшие тушили.
Кричали: «Как могли
Почти дотла сгореть?»
Сгоревшие смотрели,
Как их водой облили,
Не поняли, когда

Случилось не прозреть.

Зачем опять страдать?

Зачем опять страдать,
«Здесь» становясь Историей,
(Иль в летопись ее не попадать)?
Когда «там» – теплый берег, и радужное море,
И «новенькою» Музой согретая кровать.

Зачем же «здесь» играть
И в роли плоской, кукольной
Не мочь нить кукловода оборвать?
Когда «там» все поет и радуется звукам
Мелодий, не дающих от скуки умирать?

Зачем «здесь» все ломать
И врать: «Само наладится...»
Себе уже не веря, на всех подряд орать?
Когда еще есть шанс послать сомненья в за...цу,
И пару-тройку лет совсем не горевать.

При целых при зубах
Зачем плодить страдания
И часто представлять утопию в мечтах?
Когда еще силен и трезво понимание,
Когда не остановит у трапа липкий страх...

Но «там» – на целый век?

А «здесь» – не дрогнут тучи?

Что есть самообман, что в дымке заискрит?

Страдает Человек, но где страданья лучше?

Куда потом опять за Солнцем побежит?

Как радостно пожить

Как радостно пожить,
Когда смерть миновала,
В коробочку сложить
Для медиков журналы.

Почувствовать цветы,
Приятный аромат,
Все грани красоты,
Все нежности подряд.

И ветер будет дуть
Немного по-другому,
И в градуснике ртуть
Не взбесится знакомо.

И травку под ногами
Не хочется примять,
А хочется нам с вами
Сто весен пожелать.

Быть узнанным в толпе реальности

Быть узнанным в толпе реальности,
Стать ложью для правдивых снов,
Уйти от страха за порог случайности,
Спросить у Времени, к чему еще готов?

Осознан шаг, за мировым расколом,
Работают часы до остановки пульса,
На шее камень – очень уж тяжелый,
И пятна совести, возможно, не сотрутся.

Развив способность понимать чужие мысли,
Затянешь ту же на порочности ремень,
Спокойно выдержишь укол вакцины жизни,
Начнешь по-новому вчерашний день.

Лекарство лечит, и оно же убивает,
Предел чуть перешел и подхватил заразу.
Найдя чужое, свое сердце потеряет
Меняющий духовность на пустые фразы.

Море такое странное

Море такое странное,
Плоским своим экраном
С помехой передает
Гордых привет облаков,
Щуриться не устану:
Узкий просвет по плану,
Зеленый борт пеной трет
Волна чище всех порошков.

Белых сирен хвосты
Настроить радар мешают,
Узнать, что вдали плывет
Без флагов и моряков.
Оставили вдруг посты:
Воем своим отвлекает
Вредный морской народ,
На дно всех к себе зовет...

Море такое черное,
Мазутным своим пятном
Испоганит настрой,
Который и так не «на пять»,
Черное – дело спорное,
Правое лишь в одном,
Надо и в холод, и в зной

Чужие «грехи» оттирать...

Море – это судьба,
Суша ему не указ,
Только – брат-Океан,
Напоивший планету,
Море – сплошная борьба,
Снова собрало нас
Клады искать древних стран,
Не ждать облаков, приветов.

Если в бор глухой леший заведет

Если в бор глухой леший заведет,
В неродных краях, монохромных снах
Можно запросто потерять живот,
Позабыв прогнать прилипалу-страх.

Да и в ясный день, когда светел путь,
С пирогом, трубой, песней заводной,
За кордон лихой могут зашвырнуть,
Что не значится в карте ни в одной.

Чтобы разглядеть странный полутон,
Дабы за песца крысу не принять,
Да не бить зазря в пустоту поклон,
Лихо за версту надо чують-знать.
Ведь обычно так: непрозрачен мир,
Тумаков дает, чтобы не зевать,
А расслабишься – наплывает жир,
С ним не хочется покидать кровать.

Но когда вперед, через сложности,
Через тернии, в стойло звезд,
Открываются вдруг возможности,
С ними по ветру держишь нос.

Проснется Разум

В душе последний узел Память,
Грызет, седая, но клинка острей.
Но слезы не погасят пламя,
На коже – росписи плетей.
И крылья за спиной из воска.
Не ангел, да и каждому свое,
Простое часто очень носко
И тон основам задает.
И растворится саван дымный.
Зачем он, если ты живой?
Мир этот поменять на мнимый?
Нет, стремя чувствовать ногой.
Струной заденет сердце звук,
Пробьется через ватный плен,
И, Морок расстреляв с обеих рук,
Проснется Разум, алча перемен.

Не знаю, в каких телах

Я не знаю, в каких телах
Мы обертки скомкали душ,
В королях или батраках,
Не боявшихся жара и стуж?

Я не помню забытых троп,
Что в Кремле или Шамбале,
То язычник, то хитрый поп,
То во злате, то в черной золе...

И напиться никак не могу,
Все колодезной жду воды,
Мне же с хлоркою, как врагу:
«На, хлебай и не жди беды!»

Так хочу не в чужую игру,
Без оглядки, с улыбкой играть,
И надеяться, что поутру
Мне не вlepят на лоб печать!

Я не знаю, в каких телах
Мы оставили искры души
И просили наш маленький страх
Не мешать нам, давно «большим».

Когда тяжелый якорь поцелует грунт

Когда тяжелый якорь поцелует грунт,
Когда все чайки соберутся в стаи.
Тогда пойму, который друг мне – Брут,
Тогда увижу Суть своих скитаний.

Когда усядусь с совестью за деревянный стол,
Когда налью стакан чего покрепче,
Тогда пойму: не зря работал, словно вол,
Но мне от этого не станет легче.

Когда себе пригрежусь, словно наяву,
Когда усталость перейдет в движение,
Тогда увижу: настроенье на плаву,
А опыт выдаст верное решение.

Зачем заставлять себя спать

Зачем заставлять себя спать,
Если кровать не пуста?
К стене отвернувшись, до ста,
Упрямо шепча, считать?

Зачем громко песни орать,
Если вокруг глухи,
Или читать стихи
Пришедшим только жевать?

Зачем год роман писать,
Если не видишь финал,
А главный герой пропал
В главе под номером пять?

Зачем себя так не любить,
Пятки душе щипать?
Не зная, куда послать
Жизнь, что устала жить.

Не страшись ночного крика

Не страшись ночного крика,
Может, кто-то помощь ищет,
Среди серых скорбных ликов
И теней на пепелищах.

Не страшись немого взора,
Может, мыслью правду движет,
Не спеши подумать скоро,
Не то пропасть станет ближе.

Не страшись оскалов волчьих,
Может, это – одобренье,
Не беги от темных полчищ,
Не ускорь свое паденье.

Убоись родных лишь боли,
Без надежды к исцеленью,
Когда смерть не переспорить,
Несмотря на все движенья.

Двойник

Двойник меня выдавливают вниз,
Все забирает, издевательски хохочет,
И там, где я молчал, он – хитрый лис,
Запел, накрыв мне медяками очи.

Я в зеркало смотрю и вижу наяву:
Глаза пусты, исчезли брови и ресницы.
Так что же еще держит на плаву?
И не дает позорно спиться?

В какой же точке начал исчезать
И тлеть без запаха и следа?
Здесь впору сесть и зарыдать,
Но «сахарных» съедают за обедом.

Как дать отпор, когда так невесом?
Когда пушинкой бьет о стены.
Он – тролль, а я – садовый гном,
И что же? Сдаться, резать вены?

Нет, высушить подмоченное эго,
Халат набросить на эфирный силуэт,
Умыться ледяным и чистым снегом,
Пусть и давно такого нет.

Надеть на ногу хилую сапог
С подошвою подкованной, тяжелой,
Подкараулить двойника и, прости Бог,
Прижать нещадно к плинтусу над полом.

Я сумею выжать последнее

Я сумею выжать последнее
Из своих обескровленных вен,
И покатится с шеи наследие,
Ударяя неровности стен.

Я сумею согреться от слов,
Когда в спину вонзают кинжалы!
Наломать не успею дров,
Даже если и Злость устала.

Даже если врагов обогрею
И в подарок оставлю свечу,
Я сумею – останусь добрее!
И себя, наконец, излечу.

Часть 2. Чувства

Озябшая любовь

Озябшая любовь
Прижалась к сильному плечу.
Он долго говорил,
Не смея чуть расслабить спину,
И раскаленную лучину
Ладонью тихо погасил.
И долго не искал причины,
Чтоб закипела кровь.

Горячая любовь
Стонала, сладостью шепча,
Что не было сильней плеча
И чтоб он вечно жил.
Иллюзий он нектар не пил:
Быть может, все – влечение,
Что мнимым упоеньем
Обманет сердце вновь.

Была ли та любовь,
Что вихрем закрутила?
Но он, как прежде, был...

На полосе безликих дней
Остыл и лед цветами скрыл,
Запутал кудри новых фей,
Таких воздушных, милых,
Всю отравивших кровь.

Я пропал, эта женщина – чудо

Я пропал, эта женщина – чудо.
Безвозвратно ей сердце отдал,
А теперь в доме бьется посуда,
За скандалом крадется скандал.

Нервно тушит она сигарету,
Не о пепельницу, о пол,
И минуту уже, как раздета,
Но я – «сволочь такая» – ушел...

Печень рушат вопросы быта,
Может, слабость, а... все к чертям!
Ваза тонкая снова разбита,
Душа согнута пополам.

Выход нужен из «нездоровья»,
Кто бы к вечеру дверь принес!
Полюбить – не заняться любовью,
Это Чувство ломает всерьез!

Я пропал, эта женщина – чудо,
Безвозвратно ей сердце отдал,
Все равно мне: «когда – откуда»,
Я за ней – на любой вокзал.

Улыбка демона

За шеей руки ты сплетишь
И промурлычешь тему нам,
Но не заметишь, перейдешь
К улыбке демона.

На опьяняющих волнах,
Лекарство вечное,
Когда дойдет твоя война
До снов беспечности?

В траве опять и соль, и пот,
И чувств осколочки,
Опять решаешь – «тот – не тот»,
Все не по полочкам...

И те же губы, тот же цвет
Серебряной помады,
Но яд ее – большой «привет»,
Приблизит к аду.

А так ли плохо в той жаре?
Смеешься рядом.
И снова, словно в январе,
Внутри – прохлада.

В котле конфетку разверну,
И сладко станет нам,
А после сразу утону
В улыбке демона.

Луну твою пятнали кляксы

Луну твою пятнали кляксы,
Перетекая на наряд,
Вчера платил двойную таксу,
Зато летел, как тот снаряд.

И что же? Дома только книги,
Стоят и ждут «умов» на полках.
В шкафу – отсутствие «интриги»,
Судьба – ты вся уже в наколках.

Карманы ревностью прошиты,
На джинсах, глядящих фигуру.
Цветы слезой твоей политы:
«Уж лучше б изменила, дура...»

Уж лучше я был не влюбленный,
А просто – «денежный» сухарь?
Молилась бы другим иконам,
Своей души продав алтарь?

«Ты, милый, только тратишь силы —
Дурные мысли в голове.
Любовь тебе я подарила —
Нас только двое на траве...»

Меня ты ночью обнимала,
Я в мыслях кляксы выводил,
Тревога жалить перестала.
Надолго? Хватит! Хватит сил.

Не выдавай мне всех секретов

Не выдавай мне всех секретов,
Иначе стану слишком скучным,
Не постройнею снова к лету,
Нахмурюсь серой мрачной тучей.

Не говори: «Все это зря»,
Иначе смех напомнит скрежет,
Дыханье сразу января,
Нутро мне льдинками изрежет.

Не признавай своих падений,
Иначе рядышком свалюсь,
Под ветром горе-приключений,
Еще три раза кувыркнушь.

Не задавай по сто вопросов,
Иначе револьвер к виску,
Не самый лучший в мире способ
Унять настырную тоску.

Порадуй

Ты порадуй на ярком параде
До скрипа прилизанных фей,
Не представят сегодня к награде,
Ни меня, ни тебя, хоть убей.

Ты порадуй, неси всякий бред,
И я уши подставлю с надеждой
Упорхнуть в небеса без одежды,
А ты снова в свой узкий корсет?

Ты порадуй, просто солги,
Ложь ведь тоже бывает лекарством,
Пусть и спит иногда с коварством,
И пустые печет пироги.

Ты порадуй, пролей белый свет,
Тот, который совсем не жжет,
И надежно бульдозером прет,
Отпечатав на траках ответ.
Ты порадуй, а то тупик
И в углах, до крови, оборона,
Гаснут звезды на новых погонах,
И победный не слышен крик.
Может, я тебе надоел?
Все «порадуй»? Тогда – огорчи.

Припечатай на лоб кирпичи.
Но позволь убежать от стрел.

Заходи, я накрою на стол

Заходи, я накрою на стол.
Ностальгия, как старая вешалка.
Не смотри – беспорядок развел
Все такой же, серьезно-потешный.

Там на полке пылится альбом.
Пару б новых туда фотографий.
В рифмы странник уперся лбом,
Ритм чеканя чужой биографии.

И нехитрый, как прежде, обед.
Макароны, как риск бесполезности,
По-простому – на рынке одет,
И запрет на любые скабрёзности.

Не смотри – бриться я не боюсь,
Просто жалко красивую бороду.
Что, «мочалка»? Уже не смеюсь —
Волки пятятся в разные стороны.

Может, амфору «фивскую» склеим?
Ты вернешься, а я изменюсь...
Страстью снова с тобой заболеем —
Одиночества давит груз.

Ладно, просто приятна беседа.

Твой поэт тебя будет ждать:

Красоту – милую непоседу.

В карты с Тенью не хочет играть.

Признания хрупкой любви

Какие признания хрупкой любви
Подарят покой и сон,
Освободят от клятв на крови,
Согреют со всех сторон?

Какие улыбки с ума сведут,
На сто притяжений подряд?
Которая из шаловливых причуд
Заставит цвести сухой сад?

Какое желанье не даст замечать
То, чему не был рад?
Звезды какие к груди прижимать —
Накапливать в сердце «заряд»?

Однажды его попросят отдать,
Ничуть не жалея себя,
Ну а иначе спокойно как спать,
Сильно кого-то любя?

Жених и невеста

Что-то было не так,
Когда пели веселые песни,
Разлетелась на капли
Реальность прозрачной воды.
Они падали в пропасть —
Жених и невеста.
Где паденья того ожидались
Сухие плоды?

И, закрыв свои мысли и души
Для нужных молитв,
Убегая на день, вечерами
Плетья сетку планов,
Позабыв о добре,
Шли по граням сверкающим бритв,
Становились случайными жертвами
Тихих обманов.

А потом честно ссыпали
Крохи на дощатый пол.
И наелись сполна,
Выгорев в бесконечном кругу.
Она снова на кухне,
А он – на диване: футбол.
А их «счастье» не нужно

И злому врагу.

Что-то болезное

Как хотелось любить? – Жарко!
Как хотелось гореть? – Ярко!
Как хотелось работать? – До пота!
Как хотелось уйти? – Без икоты...

Проходя мимо сплетен – сбежать,
Не вносить в разговор «пять песо»,
Скучно, градус иду повышать,
А иначе не интересно.

Это, в принципе, что-то болезное,
Что-то странное дышит внутри,
Неописуемое и такое,
О котором весь день говорить.

И читать смятые газеты,
И спешить на какой-то вокзал,
«Бывшую» представлять раздетой,
Сожалеть, что ее обижал.

Но запрет больно бьет из потемок,
Забирая последние силы:
Что-то созданное из иголок
Превращается медленно в вилы.

Нет его на случайных фото,
В коридоре, на желтых обоях —
Вышло в праздник с ружьем на охоту,
Отстреливать псевдогероев.

Насаждать где-то там «справедливость»,
Прихватив сто рублей из копилки,
Гнать в три шеи пиявку-Сонливость,
Остужать нрав особенно пылкий.

Что хотелось – еще придет,
Что на ладан дышало – воскреснет!
Это – жизни круговорот,
В нем спокойствие – не интересно.

Застав его у зеркала, с помадой на губах

Застав его у зеркала, с помадой на губах,
Она едва прикрыла улыбкой давний страх
И развела руками: «Как будем дальше жить?»
А он ей: «Кто безгрешен, как грешных не любить?»

Ты думаешь, помада мою закроет боль,
С которой исполняю я честно мужа роль?
В фантазиях на яркую я сцену выхожу,
И только там я счастлив, и там собой горжусь...

Ты можешь мои платья в лоскутья искромсать,
На холод ночью выгнать, а можешь и понять...
С собой уже смириться и снова оценить
Все странности и смыслы и, наконец, решить:

А быть ли с «манекеном», с улыбкой неживой?
Сливаться цветом с серою бетонною стеной?
И говорить наигранно о страсти и любви,
Другой я – этот факт, будь сильной и прими...»

Она не понимала, где проморгала суть,
Расплакалась и крикнула: «Меня теперь забудь,
Желаешь быть собой? Кто я, чтоб запрещать?»

Сто лет уж, как остыла наша с тобой кровать».

И тихо вышел из дому он в морозящий дождь,
Она... не скоро вынула застрявший в сердце нож,
Они однажды встретились, но как-то впопыхах:
Спешил куда-то в туфлях он на тонких каблуках...

Не запирайся на замок

Не запирайся на замок:
В кармане сто ключей —
Не надо медвежатника.
Не слышишь, плеер «режет» рок?
А я опять ничей —
На должности привратника?

Не запирайся на замок:
Я доберусь до твоих окон,
Изрядно перепив с вампиром...
Прошу, не целься серебром в висок,
Со лба откидывая локон:
Лишь зря испачкаешь квартиру.

Не запирайся на замок:
Пообещал мне старый йог
Учить ходить сквозь стены!
Поверь, и не такое бы я смог,
Перешагнул бы твой порог
И замер снова посреди арены.

Где был и форменным шутом,
И акробатом, и жонглером,
И пуделем, и пони, и слоном,
Аплодисментами, что грянут скоро.

Побыть бы чуточку собой,
Но дашь ли обрести душе покой?

Ну а пока, пусть на короткий срок,
Не запирайся на замок...

Нате

Ты поступью легкой ходишь
В платье воздушном, летящем,
С ума меня снова сводишь,
В прошлом и настоящем.

С тобой лишь одно мгновенье,
Как целой Вселенной подарок,
В серьезности и веселье,
В прозе и под гитару.

Ты самый надежный друг,
Мыслящий, верный, желанный,
На север зовешь, на юг,
С тобою – в любые страны.

К груди прижимаешь цветы,
Всегда аромат их вдыхая,
Ты – мой океан Красоты,
Любимая вечно, родная.

Чем удивишь меня?

Чем удивишь меня?
Закатом в мандаринах,
Изогнутой трубой
На крыше под луной,
Иль песнею душевной,
Не утонувшей в винах,
По сложности распева
Тебе под стать одной.

Чем удивлю тебя?
Не дохленьким букетом,
Не стареньким пальто,
Не шуткой с бородой.
Я стану на мгновенье
Души твоей рассветом,
На утро воскресенья,
В час страсти неземной.

Чему дивимся вместе?
Возможности быть целым,
(При разности ветров
И высоты вершин).
Созвучию сердец,
Прикосновеньям смелым,
Сто раз их пережив,

Без поводов, причин.

Запрети мне в себя уходить

Запрети мне в себя уходить.
Запрети вечерами ругаться.
Запрети про обман говорить —
Человеком всегда оставаться.

Запрети мне от жизни устать,
Не нарезав семье свежий хлеб.
Запрети с Судьбой в карты играть,
В темноте понимать: «Не ослеп...»

Запрети прикасаться к себе,
Когда страстным желаньем томим.
Запрети жить дурной голове.
Разреши лишь понять, что любим.

Часть 3. Персоны

Странник

Где воскрешение от Чаши Сил?
Где смысл всех дорог?
И сколько стертых башмаков?
Кто знает, где привал?
Кто, как Великий, «много смог»?
А кто всех торопил
И к финишу устал?
Кто сам себе солгал?
Я этого не знал,
Но шел вперед!
Другим назло!
Где гнали прочь, а где везло,
Кто наливал вина
И резал свежий сыр,
Кто опускал глаза,
Отпрянув от окна,
Кто двери открывал,
Тем приносил я Мир.
Однажды мне понравилась *Она*,
И я свернул с Пути!
Мне здесь открыли смысл дней:

«Любовь-Вселенная важней»,
Но я недолго пробыл с *Ней*,
И снова шел на Зов Огней.
Себя не обойти!
Лишь пробовать догнать,
Но мудрое в других познать,
Как землю, задыхаясь, жрать,
И все же – Дело продолжать!
Когда-то будет найден мой приют.
В него войду
Свободным от житейских пут.

Странник-2

Земля отыщет неба край,
Затянет ветер в сеть оврагов,
Волков раздастся дружный лай,
Светает, но в пути бродяга.

Гроза застала на дороге,
Помог плащ драный, крыша – мост.
Привал надолго – мокры ноги.
Сидеть теперь, «поджавши хвост».

Добро и зло – мотив извечный.
И видно странствия – стезя.
Погреться бы сейчас у печки,
Но расслабляться, жаль, нельзя.

Отмерит тысячную милю,
Поправит ляжку вещмешка,
Пока здоровье есть и «в силе»,
Ступай, куда зовет Судьба.

Скрипач-бедняк

Скрипач-бедняк

С одною только скрипкой,

И с ветром-другом,

И с улыбкой.

В его кармане не звенят монеты,

Он пуст, и в нем

На многое найдут ответы

Завистники той славы

И судьбы,

Которая на долю выпала ему.

Но почему?

Он отказался от всего

И выбрал волю и свободу.

Они по жизни так легко

Ведут его,

Он дарит музыку народу!

И кто-нибудь его накормит,

На время приютит

И даст ночлег.

Непонимание коллег

Отвергнул он!

Его Закон, а изменений в нем не будет:

«Служенье Музыке и Людям».

Архитектор лучший самый

Архитектор лучший самый,
Фантазер и доброхот,
Раз возвел воздушный замок,
Но никто в нем не живет.

Долго люди приставали:
– Надо замочек обмыть...
Чтобы стены крепче стали,
Кошку на порог пустить.

– Ты, герой, такое строишь
Мановением руки,
Свой секрет не приоткроешь?
Как не пачкать сапоги?

Архитектор уклонялся:
– Потому не переехал,
Что тот комплекс создавался
Всем совсем не на потеху.

– С виду, – говорил он, – «сахар»,
И «изюм», и «булочки»,
Двор и башни – все с размахом,
Но пустым быть улочкам.

Пусть и внешне все воздушно,
Как перина в сто слоев,
Но внутри отмерзнут уши
И душа не запоет.

Замок – он напоминанье,
И не только самому,
Что не все наши желанья
Сбудутся по одному.

Чтобы что-нибудь построить,
Надо миром впрячься в воз,
А не лезть в псевдогерои,
Гордо распушая хвост.

Лишь фантазией одною
На века град не создать,
Пота-крови заготовить,
А потом уж обмывать.

Гроссмейстер женских наслаждений

Гроссмейстер женских наслаждений —
В два хода – далеко не детский мат
Привык он ставить – виртуоз-аббат.
Да, в очередь к нему стоят
На партию-другую полуночных «бдений»
Смакующих вина закат.

Успеха ключ – секрет прикосновений.
Волшебной магии трудолюбивых рук,
Вращающих порочный круг.
Тепло их стоит преступлений,
Чтоб в омут броситься греха:
Коварна страстная рука.

Коварен, кто Игре обучен.
Продуманность – не беглый случай.
Плетет гроссмейстер сеть интриг.
И нет искусней женщин в них.
У многих муженьки в силках,
Гроссмейстер – с долей в их делах.

Итог – за сладкое расплата:
За негу жаркого заката
Теряли золото фигуры
Двухцветной шахматной доски.

Не помогали – порошки, микстуры,
Излеченным аббатом от «тоски».

Госпитальер

На щите – белый крест на красном,
На печати – больной под «торшером»,
Он владел и мечом и лекарством,
Звался Рыцарем – Госпитальером.

Пилигримов, от Яффы бредущих,
Ко Гробу – в земле Святой,
Защищал он – помощи ждущих
Средь пустынь и жары немой.

Врачевал – травами, и железом,
И молитвой, и шепотом рун,
Заживлял души, раны-порезы,
Воин-медик, совсем не колдун.

Под Дамаском и Назаретом
Был потрепанным сильно Судьбой,
Знал он – вечно арабское лето,
Но могло и в песок с головой...

Родос, Мальта – там неустанно
Среди волн средиземных гула
Отражал он атаки османов,
Не давал и пиратам разгула.

Где святой Иоанн прикроет,
Где Магистр живот сохранит,
Врачи-воины – тоже герои,
Надежный для страждущих щит.

Иссумбоси

Я плыву в хрупком блюде по миру,
Весла-палочки, шторм, не тряси.
Ощуцаю себя крошкой сыра,
Человечком-Иссумбоси.

Демонов заколю по дороге
Швейной маминою иглой,
Пусть и маленькие мои ноги —
Дружат крепко они с головой!

Я, конечно, однажды достану
Тот магический молоток,
С его помощью рослым стану
И женюсь, только дайте срок...

Я плыву в хрупком блюде по миру,
Весла-палочки, шторм, не тряси,
Может мир изменить «крошка сыра»,
Человечек-Иссумбоси.

Робот и Красотка

В глазу догорает лампа,
Реле коротит от влажности —
Робот военного штампа
Стихи пишет, полные важности.

Процессор смакует «глюк»,
Сиреной визжит антивирус,
Не замечая недуг,
Робот читает папирус.

Платы пропьют свои чипы,
В атомном сердце – любовь,
Мультишная дива из клипа
Роботу снится вновь.

Сталь нежной быть не умеет,
Но вечен букет «гигабайтовый»,
Робот надежду лелеет —
Красотку найти на сайтах.

Возможно, они познакомятся
И даже друг друга обманут.
«Мультик» и робот из комиксов
Людьми никогда не станут.

Кукла

Он – Кукла,
Шик дизайнерских идей.
Всегда развеселит детей.
Но вместе с тем
Имеет тайный грех:
Его энергия —
Их звонкий смех.
Ресницы поднимает
В озорном задоре:
«Болванчик для потех» —
никто не спорит...
Слова его внутри,
под пластиком горит
Огонь живой,
И вены паутиною стальной
Чуть проступают на «куклячьей» коже,
И тайный есть рефлекс,
на человеческий похожий —
Искать себе «обед».
И кто-то скажет: «Бред...»
Но нет, все так и есть!
Кто заподозрит странную игрушку,
Решив за ней в коробку влезть?
И Кукла
Нового брала на мушку.

Один... четыре... шесть:
Менялись дети —
Их не счесть.

Однажды
Кукла встретил мальчугана —
Смех его, как жесть...
Объятья – выстрел из нагана,
А тумачи – «благая» весть...
Энергия не та... кака маета!
И сердце стало реже биться...
Куда бы Кукле удалиться?
Слетала с Куклы спесь:
«Кому себя бы подарить?
Так долго он не сможет жить...»
А мальчуган решил:
«Продолжу-ка знакомство...»
Взял молоток отца:
«Распотрошу уродца!»
Споткнувшись у двери торца,
В «полете» Куклу так огрел,
Что тот к дивану отлетел.
Зажглись рубинами глаза,
И Кукла захотел подняться,
Но парень в раж вошел (где тормоза?) —
Он рад стараться!
«Быть может, провода, диоды, микросхемы?
Скорее – пустота, опилки, а не клеммы...» —
Мальчишка продолжал «играться»...

Сталь молотка пробил пластик:
Не клеммы, не опилки, не из дров —
В груди открытой забурила... кровь
И показалось ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ...
Детишек смехом
Не мог теперь «согреться»...
Уродец, проклявший любовь,
И заточенный на заре веков
В смешную куклу.
Теперь для сердца оставалась
Пара стуков:
Проклятья нет, и нет оков.
Мальчишка подошел поближе,
Подумал: «Краска, неживое,
Странное нутро... Бывает же ТАКОЕ...»,
И Куклу выбросил в ведро.

Дворняга

На льду разбилась,
Так больно упала...
Потом же, приняв эту жизнь так, как есть,
Вконец разозлилась:
«Да чтоб все пропало!»
Дворняга лизнула паленую шерсть.

Петарду в нее на льду том метнули
Подростки («Вот наглецы!»)
Ласкалась она к ним, в ответ – эти «пули»,
(«Я хуже паршивой овцы?»)

Она ковыляла – болела лапа:
«Сейчас обглодать бы берцовую кость.
Мечта! Эх ты – старая драная шляпа,
Пора отправляться на тихий погост».

Ночь опускалась, день подминая,
Выжившим в нем – честь и хвала!
Подвал.
В нем скулила уже чуть живая
Дворняга.
К утру ее смерть прибрала.

Часть 4. Далекие земли

Карфаген

Посмотри с высоких стен,
Как пылает Карфаген,
Тонут в гавани триремы,
Легионы жгут, крушат,
«Пир» сегодня у солдат,
Но не для поэмы.

И когда в груди пять стрел
И доспех почти сгорел,
Ярость злее ран,
Как отрядам снова встать?
Риму все «долги» отдать,
Если Ваал пьян.

В третий раз не пережил
Натиск золотых аквил
Град потомков мореходов.
И печален их финал:
Плуг останки распахал
Гордого народа.

Замок «Тысячи смертей»

Как возводили эти стены?
И сколько в них вросло костей?
Кем и когда «благословенный»
Рос замок «Тысячи смертей»?

Там заунывно воют трубы,
Дух башен погружает в сон,
И камни, сложенные грубо,
Им тихо стонут в унисон.

В огромном зале восседает
На троне яростная Тьма,
Душа в очах ее сгорает,
В тень обращается сама.

В расцвете лет туда уводят
Живых на адские пиры,
Живыми в танце хороводят,
Живыми, только до поры.

На картах он не обозначен:
«Затерян, вне времен, в снегах...»
Но ищут Путь, что был утрачен
Во всех несдавшихся мирах.

Чтобы разрушить и навеки
Той Тьмою не пугать детей,
Чтоб позабыли даже реки
О замке «Тысячи смертей».

Мараг точил свой ятаган

Мараг точил свой ятаган,
Костер высвечивал шатры,
Гудел, как улей, орков стан:
Два цикла до Игры.

Лугуд латал пробитый щит,
В горах ждала семья,
Людская крепость – монолит,
Но насмерть всем стоять!

Сто катапульта, как мощь веков,
Где тролли – движущая сила,
Пусть впереди – «море» клинков,
Но каждому – могила!

И орки разведут огонь,
Мараг поднимет факел, —
Они – Дневные – Свет, не тронь!
Треть цикла до атаки.

И будет приступ небывалый —
Могучие столкнутся грудью...
Да, орков – тысячи – немало,
Но победят их люди.

К закату рухнули все тверди

К закату рухнули все тверди,
И разгулялась смерть сильней,
И звери были милосердней
Иных улыбчивых людей.

И лики прятали под маской,
И перестали говорить,
Смешали в грязь живые краски,
Хотя желали дальше жить.

И радость ночи отдавая,
Мечтали дом оставить днем,
Не зрели будущего мая,
А прошлый посчитали сном.

...Из тел взлетали души ввысь,
На холм, присыпанный землей,
К рассвету звери собрались
Исполнить похоронный вой.

Страна растаявшего льда

Страна растаявшего льда,
Карикатурных «новоделов»,
Уставших душ от беспредела,
Надежд с пометкой «никогда».

Ручьи бегут, но солнца нет:
Из тьмы долбили прочный наст,
Забыв, что кто-то вдруг предаст,
На правду проливали свет.

Трещала корка ледяная,
Проталин пятна рвали пасти,
Мозаики торчали части,
Изнанку мира оголяя...

Процессов логики и смысла,
Не утопических идей,
Понятных, нужных – для людей!
Не облеченных только в числа.

Мозаику с нуля собрать?
Придется сильно постараться,
В богов опять не заиграться,
Чтобы на место пазлам встать.

А где-то... флюгеры резвились,
Вдыхая ветер перемен,
Каких ждуть разрушенья стен?
Какие тайны приоткрылись?

Страна растаявшего льда,
Палящих в небе белых птиц,
Когда пусты глаза бойниц,
Полет спокоен навсегда.

Часть 5. Люди и звезды

Мама-Экспансия

Луны системы – квадрат,
Город, где все не поздно,
Гибкий, как акробат —
С шестом по канату звездному.

В металле отлит горизонт,
Башни к созвездьям стремятся,
Купол – лазоревый зонт,
С ним под дождем не остаться.

Метеоритов, что в ряд
С бешеной скоростью пули
Обшивку бомбят и бомбят —
Рассерженный мертвый улей.

А люди внутри – на работу,
С работы – к любимым, домой!
Подумаешь – камни без счета
Где-то над головой!

Кто-то – в кресло пилота,

Кто-то – в свой детский сад.

Мама моя – Экспансия —

Не признает преград.

Нуль-транспортировка

На краю Большой Вселенной
Вдруг пришлось остаться,
В одиночестве глухом
Крепко выражаться.
И на дальний астероид,
На комету и луну
Сразу посылать по двое
Гордых за страну.

Это нуль-транспортировка,
Но с «ошибкой» в карте,
Есть скафандр, подготовка,
Ключ на низком старте.
Только нет перед глазами
Выходных координат,
Потому так «вспоминаю»
Техников-ребят...

Как расставят остановки
Вдоль по Млечному Пути,
Смело можно по маршруту
Звездному пройти.
А пока дрожит все тело,
Активирую маяк,
Чтобы помощь подоспела

Сквозь крошечный мрак.

Но зато чудесный способ
Для решения проблем:
Все плохое в космос сбросить
С грифом «насовсем».
Ведь, чтоб мир от зла избавить,
Рано-рано поутру,
Нужно зло перенаправить
В черную дыру.

Космический бродяга

Космический бродяга,
В скафандре, но без флага,
По кочкам-астероидам
Себе проложит путь.
Он не спешит вернуться
К земным полям и горам,
К любимым звездным шторам,
Футболу, крепким бутсам,
Немного отдохнуть.

Пока на всех планетах
Он не найдет ответа
Вопросу: «Во Вселенной
Земляне не одни?»
Но слышит лишь молчание —
Сплошное наказание,
И мрачных гор рыданья,
И кратеров стенанья,
Теряет снова дни.

И хоть бы тонкий голос,
Как редкий-редкий волос,
Полслова бы заветных
Однажды пропищал,
Но одинок бродяга,

В скафандре и без флага,
Упрямо продолжая
Искать свои ответы,
Он чувствует – устал.

А может, прочь страдания?
И кратеров стенанья?
Домой слетать – на грядки,
Сходить в поход с палаткой,
Иль сразу – под кокос!
Признать, что на планету
Одну лишь чудо-ветер
Случайно жизнь особую
Из космоса принес...

Лифт орбитальный

Где майна, где вира, пойдн разбери!
Координаты зашиты внутри,
Пятая секция, тысячный блок —
Лифт орбитальный – не дом-стишок.

Мега-конструкций – космический лес,
На стройке века не до чудес:
Работа по плану и строго в срок —
Лифт орбитальный – не дом-стишок.

На первый взгляд нереальна картина:
Между Землей и Луной – пуповина!
И снизу-вверх – гигантский пинок:
Лифт орбитальный – не дом-стишок.

Любой гражданин однажды с кровати
Встанет и сразу – «ракетою» в кратер,
Из-под подошв курится дымок:
Лифт орбитальный – не дом-стишок.

Часть 6. За гранями реальности

Астрал

Бывает, застрянешь в тонких мирах,
Но тапки ждут под кроватью,
Ноги раскинуты на простынях,
И на груди – распятые.

Кто-то проносится мимо: свой?
Когда ушел: вчера?
Между ушами звенит: «Домой!
Домой час назад пора...»

Нервно подергивают за «эфир»:
«Исчерпан лимит, камрад»,
И провожают в проявленный мир
Через одну из «заплат».

Кричу: «Провожатый, чего не зашил
Все дыры, раз здесь бардак?»
Но он молча пальцем мне погрозил,
«Охрана», едрить ее так.

Затем снизошел: «Лазеек много

В семи измерениях сна,
Но помни, одна столбовая дорога
В Вечность, только одна...»

Бьют по щекам: уже не астрал,
Грудь щиплют тонкие пальцы,
Может, сказать ей, куда улетал?
Может, поймет скитальца?

Разбившись гипсовой скульптурой

Разбившись гипсовой скульптурой,
Воронам очи проиграв,
Он пропустил сквозняк в фигуру
И сдался, душу потеряв.

Вспорхнувши ласточкою в небо,
Душа узрела путь домой,
И боли-страха уже не было,
А был из ангелов конвой.

Душе на небе вдруг ответят,
Как совесть златом не душить,
Как не менять на зиму лето
И даже мыслью не вредить.

А не ответят, ниже спустят,
Где Искры наждаком скоблят,
Там явят выжженную пустынь
На все готовых чертят...

Накроет после осознание,
Как не призвать на двор напасть,
Как, загадав все три желанья,
Безглазым в поле не пропасть.

Волки

Давно беспокоят железные волки,
Ночами приходят, сны бороздят,
Палю по ним лихо из старой двустволки,
Они ж, как влитые, на лапах стоят.

И пасти широкие не закрывают,
Смотрят с укором в голодных глазах,
Чувствую, каждый меня давно знает,
А я вспоминаю их впопыхах.

И жду, кто же первым окажется рядом
И все мне предъявит, вонзив клыки в плоть,
Колени дрожат и пот катит градом,
Когда понимаешь: могут вспороть.

И только вожак стоит отстраненно,
Луна, но не воеет, а говорит:
«Ответь, помогли Человеку патроны,
Отбиться от тех, кто все время молчит?»

И, просыпаясь в мокрой кровати,
За голову – целую – долго держусь,
На эту ночь, может быть, хватит?
К другой приготовлюсь и отобьюсь...

Тени

В дымке вечерней протаяли тени —
Плоские силуэты.
Отсутствие лиц и настроений.
Пальцы крошат сигареты.

Дым приближается гибкой змеей,
Кольца вот-вот сомкнет,
Поздно бежать домой,
Но кто там, по-честному, ждет?

Сдаться и тихо «уснуть»,
Тоже лицо стереть?
И сократить свой Путь
Между «жить-умереть»?

Чтобы протаять однажды
Перед кем-то, в сомненьях,
И утолить его жажду
Острым «прикосновеньем».

У дворника метла пропала

У дворника метла пропала,
Я понял – это неспроста:
На ней опять душа летала
Копыт касаться и хвоста.

А телу на балконе хватит
Стоять, как глиняный голем,
Не пациент в шестой палате,
Но скоро стану, насовсем...

Страшны ведьминные «программы»,
Пустой, отсутствующий взгляд,
Напротив – очертанья храма,
В нем ждали много лет назад...

И тело не растормошить,
Совсем холодная кровать...
Страданья чем свои залить?
Иль на сухую выть-орать?

А утром, как и не бывало:
«Давай-ка, милый, не грустить,
Я здесь немного «полетала»,
И что, теперь со мной не жить?»

А может, также оседлать
Метлу, и ночь гори огнем?
Во весь опор по небу мчать
На шабаш с милою вдвоем...

Резво черти катались на шторе

Резво черти катались на шторе
И щипали седые виски,
Унесли чье-то тело на море,
Прицепив к шее камень тоски.

Веселились они неподдельно,
Не моргая, глазами трески
Все смотрели с тупым весельем
На последние пузырьки.

И завыли потом белугой,
Руша память и связи времен,
Развопились на всю округу
И внушили всем, что это сон.

Но на дне – только скользкая явь,
Муть зеленая, черный ил,
Навестить теперь – только вплавь,
Средь подводных плутая могил.

За спиной обожженные крылья

За спиной – обожженные крылья,
По траве расплзается дым,
Наглотавшись и гари и пыли,
Понимаешь – уже не взлетим...

Умирая, но наперед,
Говоря о последнем деле,
Забываешь, зачем был поход,
Возрождаешься в солнечном теле.

И тогда поутру – прозрачный,
Многогранный калейдоскоп,
Даже возглас издашь щенячий,
Видя, как упакуют в гроб...

Неважны станут списки вопросов,
Величины отсталых наук,
Руки греет сияющий посох —
Символ странствий по звездам вокруг.

Часть 7. Ирония

Я ползу на Гору Счастья

Я ползу на Гору Счастья,
Камни трутся о башмак,
Альпеншток забыл и снасти,
В пропасть улетел рюкзак.

Слева сердце беспокоит,
Справа – печень, все – пустяк,
Ничего залезть не стоит
Мне на Гору даже так.

Доползу и загадаю:
Всех на свете понимать.
Понимания желаю!
Как его не пожелать?

А еще пусть в целом мире
Передохнет Сука,
Чтоб в пустой своей квартире
Не орать: «Жизнь-Сука!»

На Горе подставлю ветру

Кашлем сплюснутую грудь,
Буду чувствовать, как лето,
«Начисляет» по чуть-чуть.

Как коленные суставы,
Снегом больше не хрустят,
Как природные «забавы»
В своем вихре закружат.

Птицы мне споют на ветке,
Как уйдут ненастья,
Как из каменной я клетки
Полз на Гору Счастья!

Есть фактура, объем, все в порядке

Есть фактура, объем, все в порядке,
Даже в узких кругах кто-то знает,
Но кажусь себе распечаткой,
Что из принтера вылезает.

Остро чувствую точкой пятой,
Что опять где-то Истину скрыли,
Глубоко-глубоко запрятали,
Невозможно отчистить от пыли.

И, конечно, можно прикинуться,
Что нашел, пыль смахнул и понял,
В нарисованный космос ринуться,
И забыть, что по кругу, как пони...

Можно снова ножи затачивать
И гонять по углам тараканов,
Как бы весь «при делах», а иначе
Пропадешь из вселенских планов.

Как бумажку, скомкают небрежно,
Как стаканчик, где теплилось кофе,
С распечаткой тогда только нежно,
Когда знак водяной на профиле.

На цветке рыдала фея

На цветке рыдала фея,
Крылья тонкие сложив:
Солнышко совсем не греет,
По наклонной идет жизнь.

Некому обнять за плечи:
Нет ни мамки, ни отца...
Беззащитный человечек:
Вся закончилась пыльца.

Кто-то выгреб весь из клатча
Драгоценный порошок,
Вот такая незадача,
Взмок от слез уже цветок...

Как теперь летать девчонке,
Веселиться и играть?
Как же крыльям ее тонким
Вернуть силушку опять?

Кто поделится пылью?
Скажет: «Феечка, не плачь!
Вот, держи, летим со мною,
Прочь от серых неудач».

На цветке застыла фея,
Крылья тонкие сложив,
Кто-то к ней на низком «бреет» —
Вдруг наладит ее жизнь?

Кассета

Я – дряхлая бабка-кассета,
Вся на клею, без болтов,
В коробке пылюсь под паллетами,
Средь заек и париков.

Другие носители звука
Давно задают свой тон,
Таких же, как я – песен «духов»,
Лишили и звезд, и погон.

А раньше крутила всем песни
Во чреве «Риг», «Электроник»
И на своем была месте,
«Живые» сменив гармони.

Под крышкой играла прозрачной,
Вращала «глазами» бешено,
Как «БАСФ», «ТДК», неудачлива,
Но выжила, значит, не грешная...

Бывало, я сильно скрипела,
Жевала свою же ленту,
Она, как спагетти, висела —
Фиаско аккомпанемента...

И кляли меня: «Снова "СВЕМУ"
Заклинило на мертвяк!»
И воскресала тема:
«"Совок", производственный брак».

На ручках тогда вертели,
И снова – в магнитофон,
И вместе со мною пели,
Пусть не всегда в унисон.

Поют и сейчас, я слышу,
Сквозь пол под коробкой своей,
Но только ворчу: «Потише!
За стенкой спят двое детей...»

Мул и Хомяк

Хомяк хотел быть величавым,
И, в силу должности своей,
Он Мула поучал на славу,
Не будучи того умней.

Но ум не важен, если предан,
Способен всюду влезть,
Списать на Мула беды:
«Решит, раз хочет есть».

И первый камень мог, как «надо»,
Хомяк, красуясь, заложить,
А Мул уже сидел у склада:
«Кирпич, доску купить».

Из кабинета быстрой стройкой
Хомяк, шутя, руководит,
А мул, кряхтя, ползет до койки,
Не чувствуя копыт...

Но вот и здание готово,
И режет ленточку Хомяк,
О Муле, как всегда, ни слова —
Мул все поймет и так...

Пока «ораторы» вещают,
Освобождают от «оков»,
На шеи мулам продолжают
Сажать премудрых хомяков.

Зимушка, не умори

Зимушка, не умори,
Не кусай за нос!
Шубу лучше подари,
Чтобы не замерз!

Отпусти, не соблазняй
Снежную косой,
По сугробам не гоняй,
Ведь почти босой...

Я с тобой бы закрутил:
Вьюга увела...
За ночь выбился из сил,
Как она могла?

Зимушка, не умори,
Не кусай всерьез,
Чтобы где-то до зари
Пьяным не замерз.

«Бандольеро»

Альварес допьет текилу,
Наполнит пустой патронташ,
Сомбреро – узоры – «пилы»:
Кончито вошел как-то в раж...

Бьянка поднимет юбки
И пустится с Карлосом в пляс.
Улыбка у этой голубки —
«Люблю негритянский джаз!»

Рамирес обнимет кактус,
Ему уже «ха-ра-шо-о-о...»
Сей непристойный казус
«Пейотля» создал порошок.

Родриго слюнявит деньги:
Ах! Карлос его обманул!
И Бьянку роняет на пол
Запущенный в Карлоса стул.

В салуне кипит потасовка,
Пальба и мелькание ног,
Удар, два финта, уловка —
Родриго под стол – без зубов.

Зачем эта пьяная драка?
Такой ведь сорвали куш!
Бьянка, ну хватит плакать,
Платье зашьешь, примешь душ.

Свой кольт в потолок Альварес,
Направит, и грянет гром:
«Все, тишина – наигрались!
По коням, звеня серебром!»

Потрепанные бандольеро
Важно покинут салун,
Шпоры гнедым – сталью в нервы —
Вонзит каждый мачо-шалун.

На пальму мы карабкались

На пальму мы карабкались
На пару с обезьяной,
Она, тоскливо морщась,
Спросила: «Ну зачем
Ты ешь наши последние
Кокосы и бананы?»
Я ей, ежом топорщась:
«Голодный, вот и ем...»

Она: «Босыми пятками
Ты ствол не так цепляешь,
Нет ловкости маргышечьей,
Тем более – хвоста...»
А я: «Скачу лошадкой,
Собакой грозно лаю,
Драконом огнедышащим
В тоннель вползу крота!

Во мне же всякой ловкости
На тридцать акробатов,
На тысячу жонглеров,
Пять цирковых слонов.
Оставь свои ты колкости
Гиббонам вороватым,
Что увели на сторону,

И плов мой, и улов...»

Услышал: «Тень сочувствия
Зовешь ты обезьяньего?
Слезую не стянуть
Из-под носа банан!
Ведь нет мозгов отсутствия,
Я молода, да ранняя,
Лишь кожуру куснуть
Придется, капитан...»

И поднажал тогда я!
Так есть хотелось, братцы...
Мартышек если слушать,
Гиббонам суп варить,
Рискую без всего
На дереве остаться
И Богу отдать душу,
А хочется пожить...

За тот момент покаяться...
Да, гадким стал созданием,
С которым всем животным
Не справиться вовек.
Они еще пытаются,
Но это – по незнанию,
Ведь страшно злой и потный
На пальме – Человек...

«Ты говорил, что лошадь,
А чистая макака!» —
Открыла обезьяна
Громадный желтый рот.
«Вот кораблекрушенья
Натерпишься, как страха, —
Ответил я, – и вселятся
И ты, и бегемот...»

Мы на песке сидели
С маргышкой и гиббонами,
Жевали, что осталось,
И пели про прибой.
Я на закат смотрел,
Но видел: макароны
В тарелке поднимались,
Маня опять домой.

Ее платья

Ее платья весьма необычны.
Вот хотя бы это – с котом:
На груди застукан с поличным
С недоеденным рыбьим хвостом.

И стеклянные розы дышат
На другом над кустом клубники.
Удивление: «Кто это вышил?
И какие раскуривал книги?»

А на третьем – бабочки дуятся
В аристократический «преф»,
И пониже спины красуются
Черви, буби и даже трэф.

А одно вообще очень нравится:
Желтый «любит – не любит» цветок,
К нему руки все время тянутся,
Чтобы дернуть за лепесток...

Может быть, вы ее поймете,
На двадцатом, со вставками кож,
Как в стареющем анекдоте:
Пасущий лошадок еж.

Паранойя

Скрип за дверью – от соседей
Или чужаков извне?
Уловил тона в беседе —
Подбираются ко мне!

И как будто все спокойно,
Тараканов нет в вине,
Но и нет команды «вольно!»,
Подбираются ко мне!

Быстрым шагом – на работу,
Слева тени – на стене...
Кошка, дворник или кто-то
Подбирается ко мне?

Ездил утром на рыбалку,
Камбалой лежал на дне:
Показалось, в катафалке
Подбираются ко мне.

Вчера прятался на льдине,
А сегодня – на Луне,
Кто-то там зелено-синий
Подбирался все ко мне...

Старт, и выстрел уже у виска

Старт, и выстрел уже у виска...
Мысли жерновом мелют сомнения,
А Судьба – игровая доска,
На которой ходы – озарения.

Холодает, хотя июль.
Эх, синоптики – лето сглазили!
Мне набор подарили дуль:
Шутки дня снова разнообразили.

По живому скребет пианино,
В «зебры»-клавиши – камень первый.
В погребок кто бы запер винный:
Подлечить по-французски нервы.

Спрячу совесть свою за тучами,
Разбежались – пролился дождь,
Запрягаю машину лучшими,
Женский голос: «Меня подождешь?»

Стихи нельзя оставить без присмотра

Стихи нельзя оставить без присмотра,
Они, как дети, что-то натворят,
С утра опять читаться будут бодро,
А к вечеру, с ангиной, невпопад.

По лбу мне рифма ложкой долго била:
«Ты как меня, Создатель, развернул?»
А я ответил: «Если бы любила,
То я бы даже раза не зевнул».

Надулись, как один, четверостишия:
«Однообразны мы – канву давай меняй».
А мне не хочется сморозить лишнего,
Я ж им не просто – мальчик-Подавай.

Пытаюсь строки холить и лелеять,
И выкупать, и вкусно накормить,
Они же мне: «Иди-ка на аллею
Проветри то, чем надобно искрить».

И нужно перестать мне обижаться,
Черкать впустую белые листы,
Бывает, мыслям надо отлежаться,
А не искать ближайšie кусты.

Кляксы в тетради сонной

Кляксы в тетради сонной
Плоскости портят страницам,
Черным перо многотонное
Давит их белые лица.

Пара скользящих строк,
Себя узнаю в многоточьях,
Не лев, не сатир, не бог,
Некто – из "самых прочих".

Музе сто рифм одолжил,
Смылась к другому – наглая.
В плен он ее захватил!
Как вызволять – на шпагах?

Волос вспотеет курчавый:
Сверху – блондин, низом – черен,
Творческие забавы
Заставят задвинуть шторы...

Не с музой, под вечер спасенной,
Не с незнакомкой блудливой,
Снова – с пером многотонным,
Вдумчиво, неторопливо.

Я, возможно, не умру

Я, возможно, не умру,
В облаках нашел лазейку,
Обманул судьбу-злодейку:
Юркнул в нужную нору.

Пусть покрутят у виска
Пальцем знающие люди,
Осуждая, не остудят,
Словно кружку молока.

Верю в то, что видел сам,
Не прошу поверить тоже,
Но в норе – окно и ложе,
А на ложе – души дам.

Дамы легкие, как феи,
Нежные, как все цветки,
Знатно лечат от тоски,
Ждут, и холят, и лелеют.

Гонят мысли о былом,
О себе, своем народе.
Кружат в плотном хороводе,
Метут память помелом.

Лет немного добавляют
Старо-древним волшебством,
Нереальным естеством
От Земли все отдаляют.

И родные не узнают,
Как лишился всех личин
Чей-то брат, и муж, и сын,
Раз познав не ту Свободу...

Если все-таки умру,
Незачем искать лазейку
От Судьбы-не Чародейки,
Даже зная про нору.

Сколько нас?

Сколько нас?
Один в квадрате,
В поле – воин,
В небе – клин.
Пуля в ржавом автомате,
Расщепившийся чуть дрын.

Сколько их?
Смурная туча!
Мешок гренок,
Дом гвоздей.
Ширят плечи, зенки пучат
Из капканов на людей...

Как не сдаться?
Стать железом!
Литься быстро,
Словно сплав,
Над разверзнувшейся бездной,
По врагу – силой булав!

Где налево,
Где направо,
Бьют под дых?
В ответ – пинка!

Это вовсе не забава,
Это – танец Тумака.

Сколько их?
Уже не ясно...
Сколько нас?
Еще пять жил!
Сдулась «туча», не опасна,
Взял, и грелкою сложил...

Не могу не творить

Не могу не творить —
Так и прет, и лезет,
И придушит больно,
И поддаст пинка.
Чтобы «просто жить»,
Стал я бесполезен,
Не шепчу: «Довольно»,
И опять, с рывка...

И опять: «Займись
Ты серьезным делом»,
И опять: «Избавься
От ненужных слов»,
А без них – топись,
Но уже поспело,
И с собой управься
В пламени костров...

День и ночь роят,
Грызут мысли темя
И зовут к бумаге,
Пусть и неживой.
На свой странный лад
Я настрою время,
Не свалюсь в овраге,

Сговорюсь с собой.

Часть 8. О разном

Неузнанным читать посмею

Неузнанным читать посмею.
Дрожащий голос, как струна,
Надорван, сдавливая шею,
Накроет с головой волна.
Вокруг все на своем наречье
Витиевато рассуждают вслух,
Как личность бы себя сберечь,
Среди возвышенного глух.
И не пишу стихов полгода,
И довожу родных до срывов,
В себе самом казнить уroda
Мечтаю, палача порывов.
Запутался – все вдруг неважно,
Нет мыслей – в темени сквозняк.
Идеи в воздух, мозг бумажный
Комкают пальцы кое-как.
Собой хандра моя придумана?
А может, прошептали в спину?
Найду глаза того «угрюмого» —
В костре сгорят, как хворостина.

Тени покинут казармы фигур

Тени покинут казармы фигур,
В гости придут к сестре-Темноте,
Склеит обрывки она партитур,
Ноты на черном допишет холсте.

Тени причудливый танец начнут,
Ноги все выше, пальцы – «козой»,
Втрое растянутся, шире зевнут,
Талии тонкие выгнут лозой.

Сцены немые покажут на стенах,
Образы разные быстро меняя,
И, словно школьники на переменах,
Будут дурачиться, меры не зная.

В узлы морские завяжутся даже,
Но вряд ли кто-то распутать готов
Комедиантов, испачканных в саже,
Не ждущих похвал и красивых цветов.

Только внимания к пятнам бесплотным,
Контурам Жизни трехмерных тел,
Считающим благом и рваные ноты,
Принявшим свой монохромный удел.

Там, где чукча-хозяин и лапы в кровь сбиты

Там, где чукча-хозяин и лапы в кровь сбиты,
Никогда я в упряжке не был знаменитым,
Подгонял остальных, разрывал поводок,
Но всегда он главнее – раскосый Ездок.

Когда брызгали братья мне в спину слюною,
Я бежал их быстрее, знал – большего стою,
Быть хотел впереди – преподали урок,
Что всегда пса главнее – хозяин-Ездок.

Мне кидали чуть больше мясные куски,
Чтоб выносливей был и питался с руки,
Но я знал – невозможно насытиться впрок,
Что однажды голодным оставит Ездок.

А пока конем резвым бегу по снежку,
Но за лаем залиvistым прячу тоску,
Хочу снова порвать кожаный поводок,
Пускай будет орать всегда главный Ездок...

По реактивным сердцам полыхнуло зарей

По реактивным сердцам полыхнуло зарей.
Крылья сложились с «поправкой» железного ветра,
Отблеск усталого солнца, как прежде – немой,
А у багрового тона нет признаков лета.

Резвый полет на форсаже ревущих турбин,
Где-то вверху, говорят, наш «потерянный рай».
С небом выходишь на ринг – один на один,
Только у «ринга» отсутствует видимый край.

В сложном пике перевернутой птицей на скалы,
Воздух свистит, разрезая натянутый свет:
Там, где земля, приключений, конечно, немало,
Но Небеса не несут за «Поверхность» ответ.

Трудно держаться в седле, когда плохо коню

Трудно держаться в седле, когда плохо коню,
Рвется на волю сквозь бурю, любую броню,
Гриву взметнет до небес и копыта собьет,
Но через горы-ущелья вмиг перемахнет.

Через равнины, леса, во всю конскую прыть,
Будет нестись, словно ветер, и скачкою жить,
И не желать замечать на себе седока,
В яром галопе вздымая все в мыле бока.

Ну а когда шар земной этот конь обогнет,
Он постепенно в себя после скачки придет,
Ноздри раздув, остановится рядом с водой
И «пассажира» потянет в волну за собой...

И от Свободы до вечера конь будет пьян,
Хватит ему впечатлений от солнечных стран?
Чтобы вернуться и снова подставить седло,
Чтобы катать седока в нем Свободе назло.

Если позже глаза закроются

Если позже глаза закроются,
На два взмаха сторевших ресниц,
Звезды в линию не построятся,
Снова нищим не станет принц.

Только лес, что вокруг, разволнуется:
Черный плат к густым кронам приладит,
Вместе с отнятой жизнью зажмурится,
Ее скоро представят к награде...

И от взгляда лучи отразятся —
Щедрость солнца реально измерить?
Нелегко с Судьбой в кости играть,
Неудачно в приметы верить.

Тело скромно примнет траву,
Словно спит, а потом проснется,
Только взмахов ресниц наяву
Вряд ли лес сердобольный дождется.

Приталено мгновенье

Приталено мгновенье
Под пальто – дыхание фигуры,
Косую тень отбросят рукава.
Продолжат вечер сновиденья,
Заливши в рот микстуры,
Забуду все слова.

Про скорую печаль,
А может – радость, что в кармане
Не греет кулака,
Замерзшего на холоде – февраль!
Согреться не дает тропа скитаний,
И обрывает многоточие строка.

Застынут в зеркалах:
Эмоции, дыханье прошлых дней,
И отразятся тайны лиц,
Не ослабляя удила
До смерти загнанных коней,
Проклявших дураков-возниц.

Струи дождя превращаются в тонкие пальцы

Струи дождя превращаются в тонкие пальцы.
Им арфу из солнечных струн нарисует Природа.
Польется мелодия песней межзвездных скитальцев,
Открывших все грани и тайные смыслы Свободы.

Лес спит – заморожен аккордами чистой души,
Промокших отпустит – людей, заблудившихся в чашах.
Проснется: «Играй, дождь, чечеткой листву распиши!
Умой мои ветви – нектара не пробовал слаще!»

Движенье серебряных «рук» замирает и снова
Наполнит желанием жить все предметы вокруг.
Не требует музыка капель сакрального слова,
Но заставляет светить теплый Солнечный круг.

В дали прибрежной танец Океана

В дали прибрежной танец Океана
Напитан силою дождей.
Веселью волн дивиться не устану
И музыке дрейфующих огней.

Шальное небо отразится в синей глади,
По жемчугу мелькнут фрагменты снов,
Ослепнут зеркала от облачных нарядов,
А рыбаки на шхунах проглядят улов.

Лучи Светила взбудоражат пену,
Кудряшки-вихри льются молоком,
Бриз жажду утолит – жару на смену,
И бухта оживет под ветерком.

За Тайной дланью Путь открыт

За Тайной дланью Путь открыт
За реки и пустые берега,
На спелой грозди вновь кровотоцит
Пророчество, открытое врагам.

По сути, истину поймет
Червонный дух, гася фонарь,
Что сложно, то с души сойдет
Лавиной, победив январь.

И станут явью крики гроз,
И выйдут реки за предел,
Когда ослепнут от угроз
Застенки «важных» дел.

И кровью нарисуют дом,
Где только арки – сталь,
Слова, смахнувши помелом,
Проводят тот «январь».

И сложный крик разбудит тень,
Замерив децибелом звук,
Жует бессмертие женьшень,
Не видя старых рук.

Не видя капли на столе,
Напьется жизни Свет.
Полусухое «божолё»
Вперед – на сотни лет...

Перекипевший «отвар»

Перекипевший «отвар» проливается в горло,
Струнами связок играет горячий прибой,
Ниже стекаются капли погибшего шторма,
Бар, много виски, пешком добираюсь домой.

Дружно ударят ревущие ноты оркестра,
Шаг неуверенный глупо потратит тепло,
Силы уходят, и топчутся ноги на месте,
Визг тормозов, на капоте уже – чуть живой.

Белые лица в салоне подъехавшей скорой,
Белые лампы и голос бесцветный: «Разряд!»
По коридору куда-то лечу, полуголый,
Но получаю свой шанс возвратиться назад.
«Пойло», оно на двоих: для души и для тела,
Только душа почему-то в литавры не бьет,
И возвращаться наверх «по второй» расхотелось,
Больше отвара того мне бармен не нальет.

Латинские танцы Зимы и Весны

Зима и Весна
На границе Сезонов
Танцуют латинские танцы.
Две дивы с наигранной страстью
Сжимают объятья.
И словно одна,
Вне всяких природных законов
Фигура кружится на солнце без шанса
Еще поиграть предоставленной властью
И цвет не менять белоснежного платья.
Март прожит.
Весенней капелью Зиме укорочен наряд.
Чуть меньше недели
На ткани – узоры заплат.
Острее и строже.
Изящные ножки рисованной румбы
Дарят настроению
Плавные тонкие па.
Проталины сахарной кожи
Чернеют, ростки пропуская,
«По клубам» Зиму отправляя —
Под лики холодных лампад —
Отрепетировать белые танцы,
Осенние позже.

Запевай

Запевай, не стесняясь: рядом свои,
Даже если слегка не в такт,
Запевай, не боясь, струны порви,
Изложи поострей каждый факт.

Запевай, не смотри, как что-то жуют,
Нагло кости бросая под стол,
Запевай, будь уверен – тебе подпоют,
Даже если кто-то ушел.

Запевай, не жалея чьих-то ушей,
Для которых вино, как вода,
Запевай, даже если прогонят взашей,
Запретят если петь навсегда.

Если поверить страху

Если поверить страху,
Колкому темному взгляду,
Если позволить Полночи
Заставить противно дрожать,
Можно себя на плаху
Вместо бездушного гада,
А проще – порядочной сволочи,
Так незаметно загнать.
Если загладить вину
Старым больным утюгом,
Если прикрыть одеждой
Розовощекий стыд,
Можно ругать страну,
Представившись всем Врагом,
Надутым прослыть невеждой,
Который лишь говорит.
И нужно однажды сердцу,
Которое бьется редко,
Взять и «случайно» шепнуть:
«А где-то Любовь живет...»,
Потом, встав с рассветом, одеться,
Покинуть бетонную клетку,
И, выбрав свой правильный Путь,
Твердо *идти вперед*.

Постройте мне дом без гвоздей

Постройте мне дом без гвоздей,
Без бревен, цемента и жести,
Энергией мирной своей,
На ровном поставьте месте.
На крыше носы флюгеров
Будут с ветрами здороваться,
Тогда не заденут мой кров,
Расскажут свежие новости.

Забудьте замки для дверей,
И скважин замочных виденья,
С аурой светлой своей
Селите ко мне Вдохновенье.

И Солнца проденьте лучи
В распахнутых окон «прорамки»,
Добро пусть ко мне стучит
С чистой душевной изнанкой.

Постройте мне дом без гвоздей,
Без бревен, цемента и жести,
Энергией верных друзей,
Сильной, когда они вместе.

Всего лишь человек

Давно за бортом новый век,
Года, как пули из нагана,
Но я – всего лишь человек,
В тисках столетнего капкана.

Оставлю томик со стихами:
Прочтите – буду очень рад,
О девах с нежными устами,
Не всех целующих подряд...

О Свете, Мраке и героях,
Пажах, бродягах и любви,
Моральях, клятвах и устоях,
О каплях пролитой крови.

О добрых, злых и непонятных,
О старых, новых – молодых,
О том, что не вернуть обратно,
О тех, кого уж нет в живых.

О радостях, заботах, чести,
Последних для кого-то днях,
О прямоте и сладкой лести,
И о простом не в двух словах.

О героизме и полетах,
Опасностях и моряхах,
О тех, кто ходит на работу,
Не позабыв себя в делах.

О том, где можно погулять,
Пока моря открыты, страны,
И как себя не потерять
В тисках столетнего капкана.